

В. В. Калиновский, А. С. Пученков

«Немецкий вопрос» в Крыму в годы Первой мировой войны

Калиновский

**Владимир
Витальевич**

канд. ист. наук, доц.,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург,
Россия)

Пученков Александр Сергеевич

д-р ист. наук, проф.,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург,
Россия)

Финансирование

Исследование
выполнено за счет
гранта Российского
научного фонда (РНФ),
проект № 20-78-10044
«Крым в поисках
национального
и профессионального
согласия
(1783–1920 гг.)»

В годы Первой мировой войны Крым не остался в стороне от общерусских проблем: крымчане мечтали о победе, их, как и всю страну, в конце лета — начале осени 1914 г. не миновал «смерч патриотизма» (выражение, употребленное В. В. Шульгиным), в их душах царил уверенность в безоговорочном триумфе русского оружия и сил Антанты; все они были убеждены поначалу, что «дело Вильгельма — швах. Все труды столетия пойдут насмарку, а Австрия, кажется, исчезнет с карты»¹. Позднее, когда стало понятно, что Россия втянута в долгое и затяжное кровопролитие, — многонациональное и многоконфессиональное население Крыма горячо переживало за судьбу армии и с болью воспринимало горестные известия о поражениях на фронте. «Священное единение» между престолом и обществом, провозглашенное в первые дни войны, оказалось недолгим² — вскоре начались поиски виновников людских невзгод; и находили их, следуя устоявшемуся в исторической науке термину, в «камарилье»³ и в немцах.

Начало войны с Германской империей и ее союзниками дало повод для борьбы с «немецким засильем» — и в Крыму, где немцы составляли по переписи 1917 г. 5,1 % населения⁴, и во всей России. Общество было воодушевлено идеей войны с Германией, на миг Россия стала — единым целым. Отличавшийся исключительной наблюдательностью историк цензуры М. К. Лемке оставил красноречивую запись в дневнике: «Общество настроено против немцев, народ тоже, и *это прочная ненависть* (выделено нами. — В. К., А. П.)»⁵. Он же отмечал: «Публика

и народ все за войну... Настроение везде одно, партии исчезли... все как один. Момент этого объединения — объявление войны. Оно произошло как-то вдруг, у всех... Вообще наверху совершенно поражены преобразованием общества воедино...»⁶

Тема борьбы с «немецким засильем» в годы Первой мировой войны неизменно привлекает внимание историков и зачастую раскрывается едва ли не как олицетворение национальной политики России на завершающем этапе ее имперского периода. Пропаганда представляла немцев не только внешними, но и внутренними врагами страны. Следствием этого стала инициированная правящими кругами кампания по борьбе с «немецким засильем»: на «владычество германизма во всех областях русской жизни» власти пытались списать все — нехватку продовольствия, дороговизну, поражения на фронтах и т. д. Предполагалось, что непосредственным результатом будет повсеместное искоренение влияния немцев. «Русские националисты разных профессий и состояний считали, что от немецкого засилья следует освободить русскую промышленность, русскую внешнюю политику, русскую науку и литературу», — пишет о «сверхзадаче» этой кампании крупный петербургский историк Б. И. Колоницкий⁷.

Примечательно, что развернутая властью кампания легла на хорошо подготовленную почву — исторически укоренившееся в России представление о немце как об олицетворении успеха и процветания. Как справедливо заметила историк Н. В. Савинова, «ненависть к “немцу” имела не только внешне-политические основания и объяснялась развернувшейся шпиономанией... Сформировавшиеся понятия “немец-начальник”, “-мастеровой”, “-чиновник”, “— успешный предприниматель” и т. п. способствовали быстрому распространению антинемецких настроений среди широких слоев общества. Борьба с “немцем-врагом” на фронте сразу же нашла свое отражение в борьбе с “внутренним немцем” в тылу»⁸.

Эффективность этой политики, равно как и результаты работы учрежденного летом 1916 г. Особого комитета по борьбе с «немецким засильем», были ничтожны⁹. Особый комитет не устранил германского участия в русской экономике; его мероприятия, по наблюдению петербургского исследователя М. Ф. Флоринского, носили преимущественно «показной, демагогический характер»¹⁰. Вместе с тем нельзя отрицать и того, что проблема «немецкого засилья» оказалась в центре внимания российского политического истеблишмента в годы Первой мировой войны¹¹.

Данный вопрос обстоятельно исследован в обобщающей монографии И. Г. Соболева, в которой проанализированы основные механизмы борьбы с «немецким засильем»¹². Как пример радикальной экономической националистической мобилизации населения рассматривает эти события американский историк Э. Лор¹³. Место немецких погромов в событиях Первой мировой войны охарактеризовано в кандидатской диссертации петербургского историка Н. В. Савиновой¹⁴, а отношение общества к антинемецкой кампании — в исследовании А. Н. Шубиной¹⁵. Особенностью всех названных работ является приоритетное внимание к событиям в Петрограде и Москве. При этом события

в Крыму — исторически многонациональном регионе, где борьба с «немецким засильем» имела свои специфические черты, — практически не рассматриваются. В работе петербургского историка В. Е. Возгриня «Немецкие колонисты и коренной народ Крыма в национальной политике Российской империи» была осуществлена попытка (во многом — искусственная) свести воедино исторические судьбы крымских татар и немцев Крыма, представив их жертвами политики России¹⁶. В обобщающей монографии И. П. Задерейчука «Немцы Крыма — жизнь во благо» отмечается негативное влияние ликвидации немецкого землевладения на сложившийся к началу XX в. уклад жизни крымских немцев¹⁷. В совместной монографии А. С. Пученкова и В. В. Калиновского рассмотрены сюжеты, демонстрирующие роль православного духовенства в предотвращении немецких погромов в Крыму¹⁸. Однако исследования, где были бы проанализированы общественные настроения в Крыму, возникшие вследствие решения «немецкого вопроса» в годы Первой мировой войны, до настоящего времени не появилось.

Для полного освещения заявленной темы представляется необходимым обращение к материалам периодической печати. Анализ крымской периодики 1914–1917 гг. демонстрирует, что газеты того времени зачастую одновременно становились как проводниками идеи единства народов, так и инструментами разжигания межнациональной розни. Помимо этого, средства массовой информации как выразители интересов определенных групп населения придерживались различных точек зрения на национальный вопрос. Для Крыма эта ситуация наиболее наглядно проявилась в подходах двух симферопольских изданий: близкой к губернской администрации и поддерживавшей антинемецкие настроения газете «Южное слово», и защищавшей пронемецкую позицию местного земства газете «Южные ведомости».

В приграничной Таврической губернии уже в первые дни конфликта между державами, в конце июля 1914 г., было объявлено военное положение¹⁹. Это сразу же привело к появлению в публичном пространстве двух идей — объединения всех народов края перед лицом нависшей опасности и презентации Германии как главной виновницы войны. Первая из идей была, в частности, выражена в одной из публикаций газеты «Южные ведомости» и содержала известную максиму апостола Павла, которая нередко использовалась в церковной и светской публицистике конца XIX — начала XX в.²⁰: «Нет ни эллина, ни иудея! Стерлись грани, рухнули стены и слились воедино населяющие Русь граждане»²¹.

Мотив единства народов Крыма был заявлен в верноподданнической телеграмме на имя императора Николая II, которая была подготовлена по итогам чрезвычайного заседания Таврического губернского земского собрания. На нем в присутствии губернатора Н. Н. Лавриновского обсуждались вопросы обеспечения семейств запасных и организации помощи воинам. Активными участниками заседания были земцы, имевшие немецкие корни, — В. В. и Е. Э. Келлеры, В. С. Налбандов и др. В отправленной участниками заседания телеграмме подчеркивалось, что «население Таврической губернии без различия сословий, национальностей и вероисповедания исполнит свой долг перед родиной до

конца, как во время достопамятной обороны Севастополя»²². Однако на практике «различие национальностей» все же имело место, не в последнюю очередь — из-за используемых пропагандой военного времени образов и приемов.

В конструировании образа врага принял участие авторитетный историк-краевед, педагог и общественный деятель, руководитель Таврической ученой архивной комиссии Арсений Иванович Маркевич. В статье «К переживаемому моменту», опубликованной 2 августа 1914 г. на страницах «Южного слова», ученый представил немцев как исторического врага славянства. По словам А. И. Маркевича, «покорение и истребление славян немцами» началось еще со времен императора Карла Великого, и «другой такой долгой и упорной борьбы двух народностей история не знает»²³. Историк называл действия России крестовым походом за освобождение братьев-славян и критиковал завоевательную политику немцев. В своей следующей статье он обращался к опыту Франко-прусской войны 1870–1871 гг., обличая немецкие гордыню, алчность и наглость и называя Германию извечным агрессором, используя при этом оборот «засилье немцев», что впоследствии станет фундаментом антигерманской пропаганды²⁴.

Градус нетерпимости по отношению к Германии поддерживался проповедями и публичными выступлениями православных священников. Так, во время манифестации в Феодосии, которая состоялась 30 июля 1914 г. и была посвящена Дню рождения цесаревича Алексея Николаевича, протоиерей Валентин Томкевич произнес речь, в которой призвал собравшихся сплотиться в тесный союз для отражения «немецкого человеконенавистничества»²⁵. Другие священники, в том числе Василий Бошановский из Евпатории и протоиерей А. П. Сердобольский, также выступали с проповедями патриотического и в то же время антигерманского характера²⁶.

Крымские газеты лета 1914 г. пестреют сообщениями о бытовых проявлениях нетерпимости по отношению к немцам, немецкому языку и немецкой культуре. В целом подобные случаи были характерны для большинства регионов Российской империи в первые месяцы Первой мировой войны. При этом неудивительно, что негативное отношение к Германии как к стране-агрессору переросло в неприязнь к проживавшим в Крыму на протяжении десятилетий немцам и тотальную шпиономию. Так, в газете «Южное слово» приводилась история о скандале в одном из общественных учреждений, двое служащих которого заговорили между собой на немецком языке. Услышав это, другие сотрудники, угрожая репрессивными мерами, заставили коллег прекратить беседу на языке врага²⁷.

В условиях подозрительности и нетерпимости со стороны своих соседей немцам Крыма приходилось доказывать свою лояльность России. Многие из них призывались и добровольно шли в действующую армию, отдавая жизни за страну, которая — вопреки утверждениям пропаганды — была для них единственным отечеством. Точных сведений о количестве крымских немцев, воевавших на фронтах Первой мировой войны, не имеется. Чаще всего в литературе фигурируют данные о том, что по состоянию на 1 апреля 1915 г. из Таврической губернии (включая материковые уезды) было призвано 2505 немцев,

из которых 75 были ранены и 75 погибли²⁸. Разумеется, что эти цифры далеки от полноты и требуют уточнения. Многие из проживавших на полуострове немцев вносили свой вклад в борьбу с общим врагом — в их числе представители династии Фальц-Фейн, принимавшие участие в боевых действиях и жертвовавшие провизию на нужды фронта; представители известных фамилий Шнейдеров, Шлее, фон Стюрмеров и других, помогавших комитету по оказанию помощи больным и раненым воинам; и многие другие, проявившие подлинную верность стране, которую они называли своей родиной.

Однако патриотичные действия крымских немцев не могли остановить антинемецкую пропагандистскую кампанию. Так, публицист, выступавший под псевдонимом Антон Горемыка, опубликовал в газете «Южное слово» фельетон с говорящим названием «Довольно неметчины!». В нем говорилось о необходимости протеста «против повального онемечения нашей жизни». Публицист призывал «сейчас, пока не поздно, показать немцу его место». Для этого он считал необходимым убрать с карты Таврической губернии немецкие названия — «всякие Доренбурги, Розентали, Нейзацы и проч.». От немецкой диаспоры полуострова публицист требовал открытого и явного проявления лояльности, русских же он призывал проявлять твердость и мужество. Кроме того, он поделился гордостью за сына, который сжег учебник по немецкому языку, дабы не учить язык агрессора²⁹. Публикация породила небольшую дискуссию в письмах: А. Сестринцевич утверждала, что язык врага необходимо знать, а реальную пользу может принести замена немецких специалистов и колонистов на русских. Другие авторы призывали в принципе отказаться от всего немецкого, в том числе и языка, поскольку лучшие произведения уже переведены, а новые не несут ничего, кроме вреда³⁰.

Новый всплеск антинемецких настроений в Таврической губернии случился после бомбардировки Феодосии и Севастополя 16 октября 1914 г. Обстрел был произведен, в частности, кораблями, которые Германия передала Турции. Неудивительно, что одним из лозунгов на патриотической манифестации в Симферополе, организованной воспитанниками Таврической духовной семинарии, был «Долой германизм!»³¹. Вскоре после этого появилось дискриминационное постановление главного начальника Одесского военного округа генерала М. И. Эбелова, в котором воспрещались собрания взрослых мужчин-немцев в количестве более двух, в том числе подданных России, как в своих жилищах, так и вне их. Также под запретом оказывались разговоры на немецком языке вне своих жилищ, вывески, доски на входных дверях, визитные карточки, письма, печатная продукция на немецком языке³². Вслед за этим появилось распоряжение таврического губернатора, предписывавшее всем германским, австрийским и турецким подданным, проживавшим в пределах губернии, сдать огнестрельное и холодное оружие, припасы к нему и свидетельства на право хранения³³.

Главным следствием антинемецкой кампании в масштабах Российской империи стала ликвидация немецкого землевладения. Особо острый характер она приобрела в Таврической губернии. Здесь у борьбы с «немецким засильем» в аграрной сфере нашлись как сторонники, так и противники. Среди последних

особо выделялись местные земские деятели. Узнав о проекте ликвидации, они 25 октября 1914 г. провели частное совещание, на котором пришли к выводу, что подобное мероприятие будет иметь для края пагубные последствия — как экономические, так и политические, поскольку немцы Тавриды в целом считались «вполне лояльным элементом». Крымские земцы при этом разделяли немецкое население губернии на русскоподданных и немецкоподданных³⁴.

Мнение земства о возможных убытках поддержали представители кредитных учреждений Симферополя, по подсчетам которых четвертая часть открытых в губернии кредитов по векселедательству и предъявительству состояла за немцами, и возможная принудительная ликвидация землевладения могла привести к многочисленным банкротствам и невозможности платить по счетам³⁵. Иной точки зрения придерживалась редакция «Южного слова», которая считала, что земское собрание было проведено в немецких интересах, без привлечения независимых экспертов³⁶.

Против мнения земского совещания выступил Совет Таврического губернского отдела местного отделения Союза русского народа: от имени последнего на имя министра внутренних дел Н. А. Маклакова была отправлена соответствующая телеграмма. В ней подвергалась сомнению лояльность немцев Тавриды, о чем «союзыники» планировали представить отдельный доклад³⁷.

К делегации таврического земства внимательно отнеслись в Петрограде. В начале ноября 1914 г. она была принята всеми министрами, кроме военного министра, министров торговли и иностранных дел. Одним из аргументов земцев стало утверждение, что если рассматриваемый проект по ограничению немецкого землевладения предполагает льготы для остзейских немецких дворян, то аналогичные послабления должны быть разработаны и для немцев Тавриды. Ходатайство земства было признано министрами своевременным, и на него был дан успокоительный ответ³⁸.

Однако в среде русских националистов «адвокатская» поездка земцев в Петроград вызвала дополнительное раздражение. В газете «Крымская почта» читателям сообщалось, что визит в столицу обошелся земским политикам в «кругленькую сумму», 1500 руб., которые можно было бы «более патриотично» потратить на пособия семьям раненых воинов³⁹. Протест против действий делегации Таврического земства был подан группой из Евпаторийской земской управы во главе с А. И. Шиловым, отправившей телеграмму министру внутренних дел Н. А. Маклакову. В ней выражалась уверенность, что проведение в жизнь закона о ликвидации немецкого землевладения обещает краю серьезные перемены к лучшему⁴⁰.

Еще одним следствием борьбы с «немецким засильем» стало переименование населенных пунктов, носящих немецкие названия. В связи с этим в октябре 1914 г. Н. А. Маклаков обратился к таврическому губернатору Н. Н. Лавриновскому с запросом о представлении предположений по этому предмету⁴¹. Однако по существу вопрос о переименованиях в Таврической губернии долго не рассматривался.

12 мая 1915 г. появилось постановление Таврического губернского правления о переименовании волостей и селений, носивших немецкие названия.

Переименования на территории Крыма затронули два уезда — Симферопольский и Феодосийский. В первом селение Нейзац переименовывалось в Чукурчи, Фриденталь — в Кантакузы, Розенталь — в Шабан-Уба; во втором: Цюрихталь — в Святогорье, Ней-Цюрихталь — в Родники, Нейгофнунг — в Ключи, Гейльбрун — в Ровное, Фернгайм — в Травники, Герценберг — в Кизильник⁴². Обращает на себя внимание, что населенные пункты в Симферопольском уезде получили названия тюркского происхождения, а в Феодосийском — славянского. При этом ни в одном случае речь не шла о переводе немецких названий, а использовались либо крымскотатарские топонимы, либо были найдены абсолютно новые славянские названия. Отметим, что впоследствии именно второй подход использовался при переименовании крымских топонимов после насильственного выселения крымских татар и других народов полуострова в 1944 г.

Чтобы понять, как именно принятие закона о ликвидации немецкого землевладения отразится на экономической жизни Таврической губернии, авторитетная севастопольская газета «Крымский вестник» обратилась с анкетой к видным общественным деятелям⁴³. Их ответы демонстрируют срез мнений в крымской элите того времени и показывают, что «немецкий вопрос» привел к расколу среди влиятельных в крае фигур. Земцы, как правило, считали, что негативные последствия коснутся экономики края, в то же время их противники с правого фланга общественной борьбы полагали, что переход землевладения к русским приведет только к успехам и стабилизации ситуации.

Однако даже начавшаяся продажа немецких земель не дала успокоения наиболее радикальным правым русским национальным силам в Крыму. Так, один из авторов «Южного слова» с возмущением писал о появившихся слухах о том, что в Евпаторийском уезде немцы продавали свои земли караимам. В качестве примера приводилась информация о выставленной на продажу местности под названием Красная горка, которая характеризовалась как «замечательное и всем русским дорогое историческое место», поскольку во время Крымской войны в этом районе проводилась высадка союзников и происходили их кровопролитные сражения с русской армией. Автор считал, что такое место «должно перейти к русским и только русским». Однако тот же автор сразу же указывал, что Красная горка хорошо подходит для устройства там курорта, и это очевидное несоответствие (в том числе моральное) не вызывало противоречия ни у него, ни у редакции симферопольской газеты⁴⁴.

В другой публикации «Южного слова» выражались опасения, что ликвидация немецкого землевладения в Тавриде могла принять нежелательный характер «с точки зрения русской государственности и жизненных интересов русского населения», поскольку освободившиеся немецкие земли могли быть скуплены «капиталистами вообще» и «капиталистами не русского племени в особенности»⁴⁵. В качестве альтернативы газета предлагала продавать земли русским крестьянам. Кроме того, редакция «Южного слова» планировала создать специальный отдел, в котором предполагалось помещать материалы по продаже земель немецких колоний. Вскоре на страницах газеты действительно появилась рубрика «К ликвидации немецких земель в Тавриде», в которой

публиковались сведения о выставленных на продажу участках с разделением по уездам и с указанием размеров земельных наделов, а также пофамильная роспись немецких землевладельцев Тавриды и размеров принадлежавших им участков.

О том, насколько по-разному оценивали события вокруг ликвидации немецкого землевладения в Тавриде земские и правые силы, убедительно говорят две публикации в «Южных ведомостях» и «Южном слове», появившиеся в один день — 17 января 1916 г. В первом издании приводилась резолюция Таврического губернского земского собрания, в которой отмечалось, что начавшиеся ликвидационные процессы приведут к обострению продовольственного вопроса в губернии, скажутся на развитии земского хозяйства и выполнении его текущих расходов⁴⁶. В свою очередь, в публикации «Южного слова» ликвидация немецкого землевладения преподносилась «как освобождение от гнета, как великий акт государственной необходимости, как восстановление справедливости по отношению к обойденным детям России»⁴⁷.

На деле ликвидационные мероприятия в Таврической губернии были далеки от победных реляций местной прессы. Это в конечном итоге пришлось признать и крымским правым изданиям. Самой серьезной проблемой стало то, что землевладельцы, не будучи уверенными в оставлении за собой участков, перестали их засеивать. Это породило ряд новых неурядиц и происшествий. Так, в начале 1916 г. по губернии поползли слухи, будто бы у некоторых немцев-землевладельцев чины уездной полиции берут подписку, что они не будут засеивать принадлежащие им земли⁴⁸. Понимая серьезность ситуации, новый таврический губернатор Н. А. Княжевич 4 февраля 1916 г. провел специальное заседание при участии вице-директора департамента общих дел Министерства внутренних дел С. Н. Палеолога. На нем было признано, что в губернии сократились посевные площади, а многие землевладельцы не проводят обсеменения полей. Было решено довести до сведения собственников земли, что они должны проводить названные работы в полном объеме, поскольку при покупке участков Крестьянским банком это обстоятельство будет приниматься во внимание. При этом останавливать процесс ликвидации немецкого землевладения собрание не предполагало: наоборот, было принято решение ходатайствовать о командировании в Таврическую губернию не менее 70 оценщиков недвижимых имуществ⁴⁹.

Предварительные итоги кампании по ликвидации немецкого землевладения в Таврической губернии появились в конце 1916 г. и были своеобразным ответом на выступления известного политика, депутата Государственной думы, «неистового», по определению видного думца Ф. А. Головина⁵⁰, В. М. Пуришкевича, — в предвоенные годы выступавшего за союз с политически и династически близкой к Российской империи кайзеровской Германией, а с лета 1914 г. убежденного и непримиримого сторонника войны с немцами до победного конца⁵¹. Горячий патриот Пуришкевич неоднократно заявлял в те дни, что в Тавриде «ничего не предпринимается против немцев»⁵². В публикации «Южного слова», которую позже повторили и другие крымские издания, утверждалось, что ликвидация «идет весьма успешно», а «Крестьянский банк с трудом поспевает

за работой губернского правления». Указывалось, что Таврическим губернским правлением продано с торгов 173 немецких имения общей площадью 60 000 десятин, из которых Крестьянский банк приобрел 121 имение площадью 58 000 десятин. Кроме того, Крестьянский банк в порядке осуществления права преимущественной покупки купил 59 имений площадью 17 000 десятин, в порядке добровольной покупки — 12 имений площадью 6400 десятин, на торгах при земельных банках — 2 имения площадью 2200 десятин. 15 января 1917 г. истек срок добровольной продажи наделных земель немецких колоний, что означало их дальнейшую ускоренную продажу⁵³.

На деле за впечатляющими цифрами скрывалась кризисная реальность. На заседании Таврического губернского земского собрания 16 января 1917 г. был поднят вопрос об угрожающем сокращении посевной площади хлебов в крае, что грозило голодом. По итогам обсуждения было решено ходатайствовать перед последним министром земледелия Российской империи А. А. Риттихом о приостановлении ликвидации немецкого землевладения⁵⁴. К началу 1917 г. стали возникать перебои и с продажей имений. На торгах, устроенных при Таврическом губернском правлении 24 января 1917 г., представители Крестьянского поземельного банка приняли участие только в десяти операциях из двадцати трех⁵⁵.

Выход из кризисной ситуации и фактическое прекращение антинемецкой кампании в России были напрямую связаны с революционными событиями начала 1917 г. При этом Временное правительство и его представители на местах сразу же пошли на ряд уступок именно в национальном вопросе. В частности, в мае 1917 г. Таврический губернский комиссар сделал распоряжение о беспрепятственном совершении обрядов «по баптистскому и сектантскому вероучениям», а также о разрешении на произнесение проповедей на немецком языке в лютеранских, реформатских и баптистских церквях и молитвенных домах⁵⁶.

Антинемецкая кампания периода Первой мировой войны имела в Таврической губернии ряд специфических особенностей. Она стала причиной разногласий между местной властью и земскими силами. В то же время правые силы края считали, что борьба с «немецким засильем» и ликвидация немецкого землевладения станут быстрыми и действенными инструментами форсированной русификации Крыма, а следовательно — укрепят государственные позиции в многонациональном приграничном регионе. На деле борьба с «германизмом» привела к социально-экономическому кризису. Внешне лояльная немецкая община края перестала во всем поддерживать центральные и местные власти, с недоверием относилась к их инициативам. Агрессивная риторика местной прессы и общегосударственной пропаганды заметно ухудшила согласие между народами региона и способствовала появлению в их среде националистических и эмигрантских настроений. Созданное пропагандистами представление о немцах Тавриды как о тайных врагах и главных виновниках проблем стало своеобразным прологом к будущим кровавым страницам революции и Гражданской войны в Крыму — нетерпимость по отношению к определенным группам населения буквально наркотизировала благодатный край, порождая не только у властителей, но и у вчерашних мирных обывателей моментальное привы-

кание. Все это предопределило последующую трагедию полуострова в годы русского лихолетья. Прообразом будущих межнациональных конфликтов, происходивших на территории Крыма в XX столетии, стала полузабытая ныне пропагандистская кампания времен Первой мировой войны.

¹ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (АВИМАИВИВС). Ф. 13-Р. Оп. 1. Д. 2. Дневник штабс-капитана В. М. Цейтлина. Л. 1. Дневниковая запись от 3 августа 1914 г.

² Милоков П. Н. Воспоминания. М., 1990. Т. 2. С. 164. В современной историографии высказывается мнение о том, что «священное единение» не было рассчитано «на срок более нескольких месяцев» (см.: Гайда Ф. А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М., 2016. С. 511).

³ Ганелин Р. III. В России двадцатого века. Статьи разных лет. М., 2014. С. 370.

⁴ Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму. Симферополь, 1997. С. 7.

⁵ Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (ИРЛИ). Ф. 661. Ед. хр. 15. Лемке М. К. Дневник, 1914–1915 гг. Запись от 17 июля 1914 г. Л. 47.

⁶ Там же. Л. 48–49. Запись от 21 июля 1914 г.

⁷ Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. С. 219.

⁸ Савинова Н. В. Российский национализм и немецкие погромы в России в годы Первой мировой войны: 1914–1917 гг.: автореф. ... дис. канд. ист. наук. СПб., 2008. С. 22.

⁹ Соболев И. Г. Борьба с «немецким засильем» в России в годы Первой мировой войны. СПб., 2004. С. 53.

¹⁰ Флоринский М. Ф. Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны. Совет министров в 1914–1917 гг. Л., 1988. С. 102.

¹¹ Соболев И. Г. Борьба с «немецким засильем» и политические партии России (1914–1917) // Политические партии России: прошлое и настоящее: сб. статей. СПб., 2005. С. 103.

¹² Соболев И. Г. Борьба с «немецким засильем» в России в годы Первой мировой войны. СПб., 2004. 176 с.

¹³ Лор Э. Русский национализм и Российская империя: кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М., 2012. (Historia Rossica).

¹⁴ Савинова Н. В. Российский национализм и немецкие погромы в России в годы Первой мировой войны: 1914–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. СПб., 2008.

¹⁵ Шубина А. Н. Отношение власти и общества к проблеме так называемого немецкого засилья в России в годы Первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2012.

¹⁶ Возгрин В. Е. Немецкие колонисты и коренной народ Крыма в национальной политике Российской империи. СПб., 2015.

¹⁷ Задерейчук И. П. Немцы Крыма — жизнь во благо. Симферополь, 2019.

¹⁸ Пученков А. С., Калиновский В. В. Духовный форпост России: православное духовенство Крыма в эпоху войн и революций (1914–1920 гг.). СПб., 2020.

¹⁹ Военное положение // Южное слово (Симферополь). 1914. 23 июля.

²⁰ Иванов А. А. «Ни эллина, ни иудея»: трактовка слов апостола Павла в русской церковной публицистике конца XIX — начала XX в. // Христианское чтение. 2020. № 5. С. 232–247.

²¹ Татары и война // Южные ведомости (Симферополь). 1914. 5 авг.

²² Экстренное заседание губернского земского собрания // Южное слово. 1914. 8 авг.

²³ Маркевич А. К переживаемому моменту // Там же. 2 авг.

²⁴ Маркевич А. Сорок четыре года тому назад и теперь // Там же. 9 авг.

²⁵ Манифестация // Там же. 5 авг.

²⁶ Всенародное молебствие // Там же. 6 авг.; Маркевич А. Торжественное заседание ученой архивной комиссии // Там же. 25 сент.

- ²⁷ Из-за немецкого языка // Там же. 9 авг.
- ²⁸ *Задержчук И. П.* Немцы Крыма — жизнь во благо. С. 50.
- ²⁹ *Горемыка А.* Довольно неметчины! // Южное слово. 1914. 31 авг.
- ³⁰ Из писем в редакцию // Южное слово. 1914. 13 сент.; *Демидолли.* Еще война // Там же. 28 авг.; *Горемыка А.* Довольно неметчины! // Там же. 16 сент.
- ³¹ Патриотическая манифестация в Симферополе // Крымский вестник. 1914. 18 окт.
- ³² Обязательное постановление // Южное слово. 1914. 4 нояб.
- ³³ От Таврического Губернатора // Там же.
- ³⁴ О ликвидации немецкого землевладения в Крыму // Крымский вестник. 1914. 27 окт.; Совещание о ликвидации немецкого землевладения // Южные ведомости. 1914. 28 окт.
- ³⁵ К вопросу о ликвидации немецкого землевладения в Крыму // Крымский вестник. 1914. 28 окт.
- ³⁶ *Каска.* Редкое единодушие // Южное слово. 1914. 28 окт.
- ³⁷ Обращение к министру внутрен. дел // Там же. 1 нояб.
- ³⁸ К ликвидации немецкого землевладения в Таврической губ. // Крымский вестник. 1914. 10 нояб.
- ³⁹ К поездке наших земцев в Петроград по поводу ликвидации немецкого землевладения в Крыму // Крымская почта. 1914. 12 дек.
- ⁴⁰ Протест против таврической депутации // Там же. 19 дек.
- ⁴¹ Переименование названий немецких поселений // Южное слово. 1914. 29 окт.
- ⁴² Переименование сел // Южные ведомости. 1915. 8 авг.
- ⁴³ О влиянии закона о немецком землевладении на экономическую жизнь Тавриды (Анкетта «Крымского вестника») // Крымский вестник. 1915. 3 апр.
- ⁴⁴ *Р-ъ.* К ликвидации немецкого землепользования в Тавриде // Южное слово. 1915. 12 апреля.
- ⁴⁵ *Сакс.* Мысли и впечатления последних дней // Южное слово. 1915. 10 мая.
- ⁴⁶ Резолюция губ. земск. собрания о ликвидации немецкого землевладения // Южные ведомости. 1916. 17 янв.
- ⁴⁷ *Сакс.* Мысли и впечатления последних дней // Южное слово. 1916. 17 янв.
- ⁴⁸ К ликвидации немецкого землевладения // Южные ведомости. 1916. 6 февр.
- ⁴⁹ К ликвидации немецкого землевладения в Тавриде // Крымский вестник. 1916. 6 февр.; Совещание // Южное слово. 1916. 6 февр.
- ⁵⁰ *Головин Ф. А.* Воспоминания. 1870–1918. М., 2020. С. 554.
- ⁵¹ *Иванов А. А.* Владимир Пуришкевич: Опыт биографии правого политика (1870–1920). М.; СПб., 2011. С. 222.
- ⁵² К ликвидации немецкого землевладения // Южное слово. 1916. 18 дек.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ К ликвидации немецкого землевладения // Южное слово. 1917. 5 февр.
- ⁵⁵ К ликвидации немецких землевладений // Там же. 26 янв.
- ⁵⁶ Свобода совести // Голос жизни. 1917. 31 мая.

Статья поступила в редакцию 24 мая 2021 г.

Рекомендована к печати 6 сентября 2021 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Калиновский В. В., Пученков А. С. «Немецкий вопрос» в Крыму в годы Первой мировой войны // Новейшая история России. 2021. Т. 11, № 4. С. 844–856.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.401>
 УДК 908

Аннотация: В статье охарактеризована специфика развернувшейся в годы Первой мировой войны кампании по борьбе с «немецким засильем» в Крыму. Особый акцент сделан на идеологической

составляющей этого процесса, что, в частности, проявилось в противостоянии близкой к губернской администрации газеты «Южное слово» и защищавшей пронемецкую позицию местного земства газеты «Южные ведомости». Отмечено, что с первых дней войны в крымской прессе активно использовались две концепции — объединения всех народов края перед лицом опасности и презентации Германии как главной виновницы войны. Последнее обстоятельство неизбежно порождало негативное отношение к немецкой общине Крыма. Установлено, что в пропагандистской кампании приняли участие руководитель Таврической ученой архивной комиссии А. И. Маркевич и представители местного православного духовенства. Приведены примеры проявлений нетерпимости по отношению к немцам и дискуссий по «немецкому вопросу», которые развернулись на страницах прессы. Следствием антигерманской кампании стало переименование населенных пунктов. Рассмотрены примеры лояльности и верноподданнических настроений по отношению к России со стороны крымских немцев. Проанализированы проводившиеся в Таврической губернии мероприятия по ликвидации немецкого землевладения. Местным земством была организована депутация в Петроград, которая должна была добиться смягчения или отмены ликвидационного законодательства. В то же время правые круги видели в ликвидации инструмент форсированной русификации Крыма и укрепления государственных позиций в многонациональном приграничном регионе. На деле борьба с «германизмом» привела к социально-экономическому кризису в Таврической губернии.

Ключевые слова: Таврическая губерния, Крым, Первая мировая война, межнациональные отношения, «немецкое засилье».

Сведения об авторах: Калиновский В. В. — канд. ист. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); v.kalinovsky@spbu.ru | Пученков А. С. — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); a.puchenkov@spbu.ru

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

FOR CITATION

Kalinovsky V. V., Puchenkov A. S. “‘German Issue’ in Crimea during the First World War”, *Modern History of Russia*, vol. 11, no. 4, 2021, pp. 844–856.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.401> (In Russian)

Abstract: The article describes the specifics of the campaign that unfolded during World War I to combat “German dominance” in Crimea. Special attention is paid to the ideological component of this process, which, in particular, manifested itself in the confrontation between the newspaper *Yuzhnoye Slovo*, which was close to the provincial administration, and the newspaper *Yuzhnye Vedomosti*, which defended the pro-German position of the local *zemstvo* (county council). From the first days of the war, two concepts were actively used in the Crimean press: the unification of all peoples of the region in the face of danger, and Germany as the main culprit of the war. The latter inevitably gave rise to a negative attitude towards the German community in Crimea. Examples of intolerance towards the Germans and discussions on the “German issue” that developed on the pages of the press are provided. The anti-German campaign resulted in the renaming of settlements. Examples of loyalty to Russia by Crimean Germans are considered. Measures taken in the Taurida province to eliminate German land tenure are analyzed. The local *zemstvo* organized a deputation to Petrograd, which was supposed to achieve a softening or abolition of the liquidation legislation. At the same time, the right-wing circles saw the liquidation as a tool for the forced Russification of Crimea and the strengthening of state positions in the multinational border region. In fact, the struggle against “Germanism” led to a socio-economic crisis in the Taurida province.

Keywords: Taurida province, Crimea, World War I, interethnic relations, “German dominance”.

The research was supported by the Russian Science Foundation grant 20-78-10044 “The Crimea in search of national and religious consent (1783–1920)”.

Authors: Kalinovsky V. V. — PhD in History, Associate Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); v.kalinovsky@spbu.ru | Puchenkov A. S. — Dr. Sci. in History, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); a.puchenkov@spbu.ru

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

References:

- Florinskiy M. F. *The Crisis of Public Administration in Russia during the First World War. Council of Ministers in 1914–1917* (Leningrad, 1988). (In Russian)
- Ganelin R. S. *In Russia of the twentieth century. Articles of different years* (Moscow, 2014). (In Russian)
- Gayda F. A. *Power and Public in Russia: Dialogue on the Way of Political Development (1910–1917)* (Moscow, 2016). (In Russian)
- Golovin F. A. *1870–1918* (Moscow, 2020). (In Russian)
- Ivanov A. A. *Vladimir Purishkevich: Experience in the biography of a right-wing politician (1870–1920)* (Moscow; St. Petersburg, 2011). (In Russian)
- Ivanov A. A. “There is no Greek, no Jew”: the Interpretation of the Words of Apostle Paul in Russian Church Journalism in the Late 19th — Early 20th Century’, *Khristianskoye chteniye*, no. 5, 2020. https://doi.org/10.47132/1814-5574_2020_5_232 (In Russian)
- Kolonitskiy B. I. *“Tragic Erotica”: Images of the Imperial Family during the First World War* (Moscow, 2010). (In Russian)
- Lohr E. *Russian Nationalism and the Russian Empire: Campaign Against “Enemy Subjects” during the First World War* (Moscow, 2012). (Rus. Ed.)
- Milyukov P. N. *Memories* (Moscow, 1990). (In Russian)
- Puchenkov A. S., Kalinovsky V. V. *Spiritual outpost of Russia: the Orthodox clergy of Crimea in the era of wars and revolutions (1914–1920)* (St. Petersburg, 2020). (In Russian)
- Savinova N. V. *Russian nationalism and German pogroms in Russia during the First World War: 1914–1917* (St. Petersburg, 2008). (In Russian)
- Shubina A. N. *The attitude of the authorities and society to the problem of the so-called German dominance in Russia during the First World War* (Moscow, 2012). (In Russian)
- Sobolev I. G. ‘Struggle against “German dominance” and political parties of Russia (1914–1917)’ in *Political parties of Russia: past and present* (St. Petersburg, 2005). (In Russian)
- Sobolev I. G. *Struggle against “German dominance” in Russia during the First World War* (St. Petersburg, 2004). (In Russian)
- Vozgrin V. E. *German colonists and the indigenous people of Crimea in the national policy of the Russian Empire* (St. Petersburg, 2015). (In Russian)
- Zadereychuk I. P. *Crimean Germans — Life for the Good* (Simferopol, 2019). (In Russian)
- Zarubin A. G., Zarubin V. G. *Without winners. From the history of the civil war in the Crimea* (Simferopol, 1997). (In Russian)

Received: May 24, 2021

Accepted: September 6, 2021